

ПОТОМКИ

Дарья Максимовна: Пусть Марфа расскажет, она старше, лучше помнит.

Марфа Максимовна: Это было под Москвой, в Горках-10. Сейчас там прописался президент, и Горки-10 стали почему-то Горками-9, хотя почти ничего не изменилось. Даже дом, где умирал дедушка, стоит.

Д.М.: Да вот только при Ельцине с него почему-то сняли мемориальную доску. Всегда была, и вдруг после ремонта исчезла.

М.М.: Ну теперь мы в этот дом и попасть не можем. Один иностранец, он писал книгу о Горьком, выхлопотал себе разрешение посетить Горки-10 (или 9?), ну и я с ним попросилась. Это было впервые за много лет. А в 1936-м, в нашем распоряжении был весь огромный дом. Его предоставило Горькому советское правительство: своей недвижимости у дедушки никогда не было.

Когда он болел, нас к нему пускали очень редко. Последний раз мы с Дарьей видели дедушку за два-три дня до смерти: ему, видимо, стало лучше — он сам позвал нас к себе. Помню, мы пошли вместе с Липочкой — она вела у нас хозяйство и, пока ее не отлучили, ухаживала за Горьким. В комнате было темно, душно и даже как-то жутковато. Дедушка сидел в кресле, его большие руки лежали на наших с Дарьей подушках: были у нас в детской такие мягкие-премягкие думочки. Липочка сказала: "Посмотрите, какие у дедушки руки!" Было страшно: запястья, пальцы все исколоты, в синяках, царапинах от иголки.

Д.М.: Ему очень много делали уколов.

М.М.: Мы сели справа и слева от него. Помню, сначала дедушка сказал про отца. Что мы должны его помнить, что такого человека, как он, еще надо поискать. Стал рассказывать про папины задумки сделать из северных районов цветущий край. Потом велел нам учить языки, чтобы мы могли узнать весь мир. Кстати, мы с Дарьей, когда жили в Сорренто, довольно хорошо разговаривали по-немецки и по-итальянски. Но в России, увы, все забыли.

Д.М.: Вдруг дедушка заговорил про Чарли Чаплина. Марфа, ты помнишь?

М.М.: Помню. Он обожал Чарли Чаплина и вообще всякую клоуну. Когда к нам приезжали гости — Борис и Лидия Шалыпины, Бенуа, Ромен Роллан — дедушка с папой всегда устраивали что-нибудь эдакое. Шарады, костюмированное представление, домашний оркестр: играли на кастрюлях, тарелках, банках с горохом. Такой вечер обязательно заканчивался просмотром фильма с Чарли Чаплином. Так что перед смертью дедушка заговорил о нем отнюдь не случайно.

Д.М.: Это был последний раз, когда мы видели дедушку живым. А 18 июня... Наверное, это все-таки было 18-го. Нас с няней-немкой усадили на речку кататься на лодке. Мы уже устали, стали проситься домой, но няня не обращала на нас никакого внимания. Наконец на берегу показался Крючков и закричал, что мы можем вернуться. Когда лодка причалила к берегу, нам сказали, что дедушка умер.

М.М.: Скорее всего нас отправили из дома на время вскрытия. Боялись, что мы случайно забежим, увидим что-нибудь не то: в тот день в доме было полно разных людей...

— И все-таки: Горький умер своей смертью или ему помогли?

Д.М.: Я не знаю. И думаю, что не знает никто. Нет никаких документов, подтверждающих, что дедушку убили. Может быть, где-то в архивах Лубянки они существуют, но пока доступа к ним нет.

Сомневаемся ли мы в том, что дедушка умер своей смертью? Да, сомневаемся. Слишком все странно, непонятно... Вот, например, Липочка — Олимпиада Дмитриевна Черткова. Она всегда ухаживала за дедушкой, делала ему уколы, приносила лекарства (у нее было начальное медицинское образование), и вдруг по приказу Сталина ее отстраняют. Она по-прежнему живет в доме, но доступа к аптечке не имеет, всем управляют кремлевские врачи.

Липочку допустили к дедушке лишь однажды, когда все думали, что Горький при смерти. Она вошла, сделала укол камфоры... и ему вдруг стало лучше. Настолько лучше, что он велел принести шампанское и отпраздновать свое выздоровление. Бабушка вспоминала, как вытянулись тогда лица кремлевских врачей. И тут вдруг совершенно неожиданно нагрянули Сталин, Молотов, Ворошилов. И тоже не могли скрыть своего удивления. Ехали на похороны, а попали на пир? Но это опять-таки только догадка, вопрос без ответа.

М.М.: Если Горького все-таки убили, то возникает вопрос: почему? 36-й год... Я уверена, дедушка помешал бы кровавому 37-му... Прежде его могли водить за нос, показывать потемкинские деревни, но к 36-му он начал уже прозревать. Кроме того, Сталин, наверное, боялся его связей с мировой общественно-

стью, к которой Горький мог обратиться в любую минуту.

В общем, диктатор мог желать его смерти. И все-таки пока тайна остается тайной.

— Насколько я знаю, это не единственная тайна в вашей семье. Были и другие. Например, ваша бабушка, Екатерина Павловна Пешкова, считала, что сына Горького, Максима, тоже убили?

Дарья Максимовна: Да, папина смерть не менее загадочна. Он был молод, здоров, занимался спортом. И вдруг сгорел буквально за 10 дней. Но кому была выгодна его смерть? Сталин быстро нашел виновных: в гибели отца обвини-

тельным.

Сейчас много пишут, что сын Горького был злостным алкоголиком: мол, если бы в тот вечер он не напился пьян и не уснул на холодной лавке, был бы жив-здоров. Это ложь! Папа никогда не был алкоголиком. Да — он часто возвращался домой выпивши, но попробовал бы он не пить. На всех встречах — в колхозах, на заводах, стройках — всегда поднимали тост за Сталина, СССР, партию большевиков. Как тут не выпить! А ведь таких встреч в день могло быть и две, и три, и пять: папе часто приходилось подменять Горького. Но дома он пил мало, как все.

Д.М.: Вот кто по-настоящему любил вы-

Пешкову. Поэтому бабушка относилась к ней очень хорошо.

Дарья Максимовна: Благодаря бабушке Мария Игнатьевна после смерти Горького могла часто приезжать в Союз. Она всегда останавливалась у нас дома, мы вместе ходили по Москве. Это была очень скрытная женщина: рассказывать о себе не любила, больше молчала. Мы с Марфой смотрели на нее с восхищением: мороз 30 градусов, а она с непокрытой головой, идеально причесанная, в тонюсеньких чулочках... А как пила! Могла одна выпить бутылку водки, и ни в одном глазу.

М.М.: Хорошо помню Марию Игнатьевну на

саму Муру.

— А вас? Жизнь вашей семьи после смерти Горького сильно изменилась?

Марфа Максимовна: Да нет. Несмотря на то, что все гонорары за издание произведений Горького до войны получала Будберг, мы не бедствовали. Правительство относилось к нам нарочито хорошо. Дали дом в Жуковке, оставили вот эту дачу (наш разговор состоялся в Барвихе. — Авт.), ее дедушка купил бабушке аж в 1922-м году, маме назначили пенсию. В Москве мы еще долго жили в особняке у Никитских ворот.

В 175-й школе я сидела за одной партой со Светланой Аллилуевой: подруги были — не разлей вода. Перестали общаться, только когда поступили в институт: я — в архитектурный, она — в университет. В общем, никаких гонений не было. От репрессий в нашей семье пострадали только Елизавета Зиновьевна Пешкова и ее муж.

— Елизавета Зиновьевна — это дочь приемного сына Горького?

Дарья Максимовна: Да. О Зиновии в России мало кто знает, а вот во Франции его имя до сих пор на слуху. Соратник де Голля, герой Пятой республики, генерал армии. Зиновий был родным братом Якова Свердлова, но его давно, еще в Нижнем Новгороде, усыновил Горький.

М.М.: Дедушка любил Зиновия как родного, очень переживал, когда в 20-х годах тот навсегда покинул Россию и обосновался во Франции. Но спасти от репрессий семью своего приемного сына он уже не мог. Когда Елизавета Зиновьевна в очередной раз оказывалась в тюрьме, ее вытаскивала оттуда бабушка: как жена Горького, она имела кое-какое влияние...

Уцелела Елизавета Зиновьевна каким-то чудом. Потом уехала в Сочи, жила там совершенно в нечеловеческих условиях. Когда я приехала, чтобы помочь ей с квартирой, встретила меня настороженно. Но потом мы вспомнили Сорренто, достали бутылочку с коньячком, в общем, наладили отношения. Недавно вот похоронили ее...

— Провокационный вопрос: вы прочитали всего Горького?

М.М.: Я прочитала почти все. Больше всего мне нравится "Детство". За эту книгу я взялась сразу после дедушкиной смерти, в 10 лет, начала читать и поняла, что многое он рассказывал нам с Дарьей во время прогулок в Горках.

Д.М.: Я прочла не очень много. Особенно люблю рассказы и драматургию (Дарья Максимовна — артистка театра им. Вахтангова. — Авт.). Сейчас, когда с русским языком у всех проблемы, понимаешь, насколько по-русски он писал. Одни "Мещане" чего стоят!

М.М.: А еще я обожаю перечитывать его письма к нам. Вы читали его письма?

— Да. Только там почему-то вместо имен сплошные прозвища...

М.М.: О! Это дедушка с папой были мастера выдумывать прозвища. Папа называл дедушку Дукой дель Кронверк (Дука (итал.) — герцог. — Авт.), потому что в Ленинграде он жил на Кронверкском проспекте. Маму они называли Тимоша: после тифа ее постригли под мальчика. У Крючкова было прозвище Пе-Пе-Крю.

Кстати, меня Марфой тоже дедушка назвал. Мама хотела просто — Мария, а он заупрямился: "Была, — говорит, — такая хорошая баба — Марфа Посадница. Надо в честь нее назвать". Он вообще был большим выдумщиком. С ним не соскучишься. Мы вот два года назад ездили с Дарьей по путевке Рим—Неаполь—Сорренто—Капри, в общем, по местам, где прошло наше детство. Встретили наших тогдашних подружек — Эльзу и Аду (теперь такие же, как и мы, милые старушечки) и сидели вспоминали, как Горький с нами играл, шутил, какие истории рассказывал.

Д.М.: Дедушка был главным событием нашего детства. Все, что я помню, так или иначе связано с ним.

— Сейчас много спорят, надо или не надо убирать из Кремля имеющиеся там захоронения? Вы — лица заинтересованные. Что бы вы сказали, если бы вам отдали прах Горького?

Марфа Максимовна: Мы только "за". Бабушка всегда считала, что дедушку надо похоронить вместе с другими Пешковыми на Новодевичьем кладбище. Если это наконец случится, мы исполним ее волю.

Дарья Максимовна: И волю дедушки тоже. Вряд ли он думал о таких похоронах, которые устроил ему Сталин. Несмотря на свою бешеную популярность, он всегда оставался очень скромным человеком. Даже город Горький дедушка продолжал упорно называть Нижним. И, как видите, оказался прав. Так что, я думаю, мы тоже будем правы, если перенесем его останки к бабушке, на Новодевичье.

И он, и она будут просто счастливы.

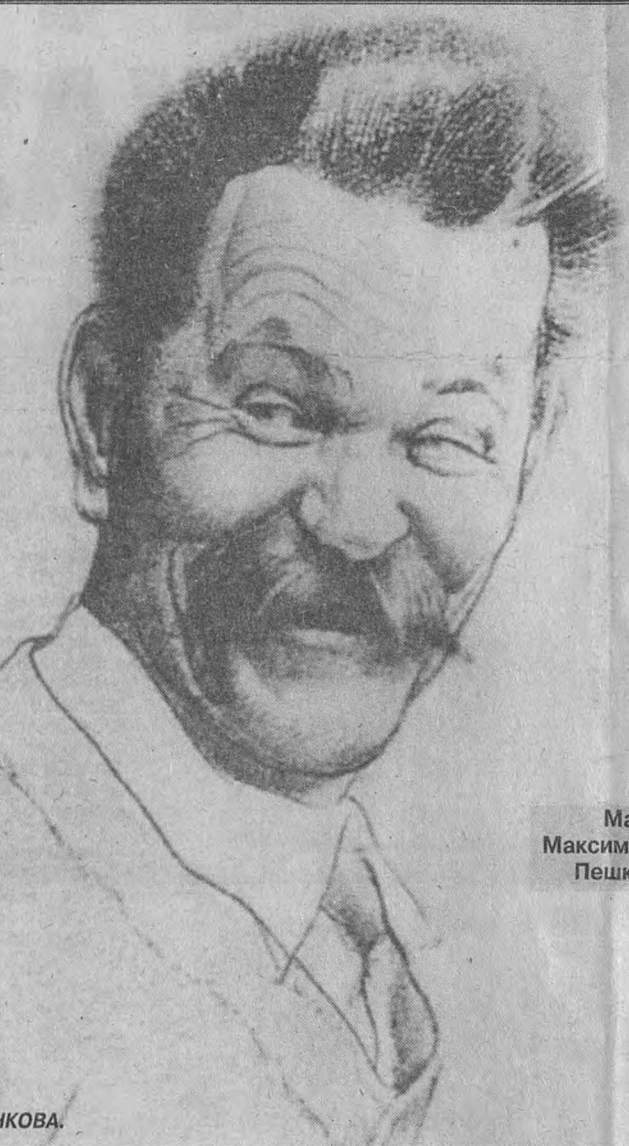
Елена ЕГОРОВА.

Фото Александра АСТАФЬЕВА.

“МЫ ТАК И НЕ ЗНАЕМ, КТО УБИЛ ДЕДУШКУ”

Дарья Максимовна Пешкова.

Марфа Максимовна Пешкова.

Рисунок Юрия АННЕНКОВА.

В семье его звали Дукой

праздновании 100-летия со дня рождения Горького. Она заказала венки, на котором было написано: "Вечно любимому. Мария Закревская." Почему-то она подписалась своей девичьей фамилией.

У Кремлевской стены с Марией Игнатьевной познакомили Брежнев, который, разумеется, понятия о ней не имел. Потом подошел Косыгин: "А я знаю о вас". — "Я тоже о вас знаю", — многозначительно сказала Будберг. Странная женщина, странная! Ничего не боялась. Ходят слухи, что она была агентом сразу нескольких разведок, и я, признаюсь, готова этому поверить. Слишком спокойно разъезжала она в ту пору по разным странам.

— Существует версия, что именно Будберг убила Горького.

Д.М.: Она? Нет! Это абсолютно точно. Мура слишком сильно любила дедушку...

М.М.: Ну в этом-то я как раз сомневаюсь... Она как-то сказала маме (я сама слышала), что больше всех любила какого-то итальянца. И, если ты помнишь, даже умирать уехала в Италию, на его могилу.

Д.М.: Но ведь Мура не вышла замуж за Герберта Уэллса, хотя он на коленях стоял...

М.М.: Никто не спорит. Просто я хочу сказать, что дедушка не был самой большой страстью Марии Игнатьевны. Скорее всего он ей был просто нужен: Горький оплачивал учебу ее детей, их путешествия, ни в чем не ограничивал

ли Ягоду, Левина, Плетнева, Казакова. Начался право-троцкистский процесс, их осудили, унч-тожили. Но ведь вы знаете, как тогда судили. Надо было убрать людей, и повод тут же сам собой находился. Скорее всего, папина смерть была только удобным поводом для расправы с неугодными.

Марфа Максимовна: Есть версия, что папу могли убить, чтобы "убить" Горького. Он ведь обожал сына и очень тяжело переживал его смерть. Бабушка говорила, у него началась страшная депрессия...

Д.М.: А помнишь шофера из Тессели? Он рассказывал, что после смерти Максима дедушка надел его пальто, хотя оно было ему сильно мало, и носил, не снимая...

М.М.: Как видите, опять одни сомнения, догадки... Я все-таки думаю, что папа умер своей смертью, от воспаления легких. Тогда не было пенициллина, а его случай был очень тя-

пить, так это Мария Игнатьевна!

— Будберг?

Д.М. и М.М.: Да-да, она! Это была потрясающая, уникальная женщина! Таких, наверное, нет и не будет больше!

Честно говоря, я удивлена. Мне почему-то казалось, что внуки Горького не должны любить властную, волевою Муру — третью жену писателя, приехавшую в Горки как раз накануне 18 июня и поймавшую губами последний его вздох.

Марфа Максимовна: Марию Игнатьевну всегда любили у нас в доме. И бабушка, и мама — мы все. Бабушка не переносила Марию Андрееву, вторую жену Горького. Она ведь разрушила семью, приняв предложение дедушки. А Будберг от официальных церемоний отказалась. Мария Игнатьевна была согласна на роль просто близкого друга: женой Горького она всегда считала не Андрееву, а Екатерину Павловну